

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Катерина

«В крестьянской избе под образами лежал молодой парень с закрытыми глазами. Подле него стояла толпа народу. Слышался тихий шепот и сдержанные рыдания...»

**Николай Васильевич
Успенский
Катерина**

В крестьянской избе под образами лежал молодой парень с закрытыми глазами. Подле него стояла толпа народу. Слышался тихий шепот и сдержанные рыдания.

– Митревна, не засветить ли свечку у образа-то: может, полегче будет его душеньке...

Кто-то стал раздувать уголь; к образу поднесла восковую свечку с заплаканным лицом мать больного. Все перекрестились.

– Незымы горит...

– Ишь, касатка, ручки-то сложил, словно отходит!

– Кончается ровно...

Вскоре в избу вошел священник. Толпа расступилась; все поочередно стали подходить под благословенье.

– Давно болен-то? – спрашивал священник.

– Две недели, кормилец, – сказала хозяйка, – отнял у меня господь мужа, теперь отнимает сына...

– Не ропщи, Катерина: не сетуй на бога... что выше нас, о том мы не смеем размышлять...

– Уж известно...

– Смертный час не в нашей воле! может

быть, из среды, здесь предстоящей, кого-нибудь завтра не будет...

– Знамо, завтра не будет, – согласилась толпа женщин, поддерживая руками свои подбородки.

– Выдьте в сени!

Бабы поплелись вон из избы; осталась одна мать больного.

Через день больной скончался. В избе, в сенях и на улице толпился народ. Причетники пели панихиды. Мать покойного, Катерина, усердно молилась богу, делая земные поклоны.

Когда запели *вечная память*, Катерина упала на пол. По приказанию священника ее вынесли на улицу.

Катерина лежала на улице, окруженная любопытными.

– Смотри, смотри... встает...

– Катеринушка! поди, милая, в избу...

– Зачем? – испуганно спросила Катерина.

– Там твой сынок... ведь его скоро понесут...

– Где ж твой Ванюшка-то?

– Какой Ванюшка?!

– Сынок-то... сынок-то твой.

– Ишь! ведь она помешалась.

– Ведь заправду, милая моя...

Катерина слушала этот приговор с изумлением. У ней не хватило сил отвечать толпе, но она думала: «Неужели заправду я помешалась? про какого Ваню они говорят?..»

Она сделала усилие встать, ей пособили и повели под руки в сени. В избе уже кончилось все; покойника вынесли на двор, и за ним вышел весь народ. Катерину подвели к гробу.

– Видишь, Катеринушка? вон он лежит...

– Какой же это такой? – говорила Катерина, разглядывая покойника, – это словно монах какой... весь в белом.

Катерина сдернула покрывало и, увидав лицо своего сына, принялась целовать его. Потом обратилась к народу:

– Ну, что же вы стоите?

Она подняла на голову крышку и пошла со двора, за ней понесли гроб.

Катерина торопливо шла по деревне, часто оглядываясь назад, несут ли ее сына? Мужикам и бабам, стоявшим у своих ворот, она го-

ворила:

– Прощайте, добрые люди; поминайте моего Ванюшку.

– Ах, братец ты мой! – твердили мужики, покачивая головами.

– Рехнулась, слышь...

Катерина слышала все это и думала: «За что же они называют меня сумасшедшею? Чем же я рехнулась? Я все помню... идем мы в церковь... вон Ванюшку несут... вон сосед Петр... Савельевна... и не грех вам называть меня так? Я помню, как Савельевна приносила больному Ванюшке яблочка...»

Процессия приблизилась к церкви; крышку и носилки поставили на паперти.

В церкви причт, одетый в черные ризы, пел погребальные песни. Катерина сидела на скамеечке у гроба, обняв его рукой; ей очень нравилось, что все молятся о ее сыне и как следует провожают его на тот свет... А причетники пели громогласно: «Пла-ачу и рыдаю...» Катерина приветливо смотрела на баб, утиравших свои слезы...

Священник, по-видимому тронутый карти-

ной несчастья, сказал мирянам речь, что сумасшедшая мать и покойник сын – пути великого промысла.

С тех пор как похоронили сына, Катерина сделалась особенно богомольной и не пропустила ни одной церковной службы. Она часто беседовала с священником, который объяснял ей, где теперь ее сын.

Была лунная осенняя ночь; петухи возвещали уже рассвет. Катерина в своей избе сбиралась к заутрени. Обутая в новые лапотки, она завернула в белый платок свечку и вышла на улицу... В некоторых избах горели утренние огни... Пропели последние петухи, и на востоке начали обозначаться розовые полосы... Месяц бледнел...

Катерина явилась в дом священника.

– Пора вставать... – говорила она, расхаживая по комнате, – а я уж Ванюшку своего проведала...

– Доброе дело...

– Ну, собирайся... а я дьячкам велю благовестить.

В церкви горели огни... благовест кончил-

ся... В алтаре шумели ризы, в которые облачались церковнослужители... в трапезной раздавались шаги церковного старосты; в углу в белом платочке стояла сумасшедшая.

1867